

Глядя на искреннее выражение лица Хань Мяо, Чжэнь Цюнь почувствовал, как его передернуло. Он, конечно, знал, что обладает некоторыми талантами, но не ожидал, что господин Хань будет так восхищаться его способностями, полностью игнорируя его прекрасную внешность. Эх, это тоже время таланта.

Не видя в своих мыслях ничего странного, Чжэнь Цюнь с легкой грустью вздохнул. Увидев это выражение, Хань Мяо понял, что его комплимент имел обратный эффект. Но голова этого даоса была устроена так, что даже он не мог ее понять. Улыбнувшись, Хань Мяо перестал уговаривать. В конце концов, если на пути встретится что-то новое и вкусное, Чжэнь Цюнь, скорее всего, не сможет устоять, так что достаточно будет просто запастись вкусностями. По сравнению с тем, как он выглядел раньше, немного худощавым, теперь он был белокожим и нежным, что выглядело куда более привлекательно. Ни в коем случае нельзя позволить ему снова похудеть.

В пути, особенно в долгих поездках, часто бывает скучно, но Хань Мяо был человеком, умеющим поддержать разговор. Достаточно было упомянуть вещи и еду, которые можно найти только в Восточной столице, чтобы Чжэнь Цюнь полностью увлекся, и скука отступала. Однако, помня о ящике с особо опасными зельями, караван двигался не спеша, и только на четвертый день они добрались до городка Гоцяо. Это место уже относилось к столичным землям, за рекой Хуанхэ начиналась Восточная столица, поэтому здесь было множество путешествующих торговцев. Однако, будучи крупным купцом, семья Хань имела в городке знакомую гостиницу, где для них был забронирован лучший номер, так что с ночлегом проблем не было.

— Сегодня переночуем, а завтра уже войдем в город, — с улыбкой сказал Хань Мяо, помогая Чжэнь Цюню выйти из повозки.

Обед оказался слишком плотным, а после долгой дороги в повозке Чжэнь Цюнь чувствовал себя настолько уставшим, что только кивнул, желая поскорее попасть в комнату и отдохнуть. Хань Мяо улыбнулся, приказал слугам забрать ящик с серебром и тот самый ящик с опасными зельями, который нужно было доставить в номер. Закончив с распоряжениями, он уже собирался провести Чжэнь Цюня внутрь, как вдруг навстречу им поспешил слуга с деревянной шкатулкой в руках.

— Господин, я нашел эту шкатулку перед гостиницей.

В гостинице, где постоянно толпился народ, потерять что-то было не редкостью. Хань Мяо взял шкатулку, бегло осмотрел ее и понял, что она сделана из желтого грушевого дерева, с искусной резьбой. Вероятно, внутри находилось что-то ценное. Однако он не стал открывать ее сразу, а обратился к Аньпину:

— Пойди найди управляющего, пусть спросит, не потерял ли кто-нибудь из гостей свои вещи.

Чем крупнее заведение, тем больше оно заботится о своей репутации. Хранить потерянные вещи гостей десятилетиями было обычным делом. Лучше всего было доверить это гостинице.

Только он отдал распоряжение, как из гостиницы выбежали несколько человек. Среди них был молодой человек в парчовой одежде и шелковом головном уборе, который сразу же заметил шкатулку в руках Хань Мяо и громко воскликнул:

— Это моя!

Нашелся хозяин? Хань Мяо приподнял бровь:

— Молодой господин, знаете, что внутри шкатулки?

— Тушечница! Это тушечница «Хвост дракона»! Темно-зеленого цвета, с узором рыбьей икры, работы Ланьтин, внутри лежит красный шелк... — молодой человек быстро выпалил, явно сильно нервничая.

Тушечница «Хвост дракона» — разве это не другое название для тушечницы из Шэ? Хань Мяо открыл шкатулку и убедился, что внутри действительно лежала тушечница из Шэ, с необычайно красивым узором и изящной формой, стоившая не меньше 10 000 монет. Неудивительно, что молодой человек так переживал.

— Молодой господин, пожалуйста, заберите ее, — закрыв крышку шкатулки, Хань Мяо с поклоном вернул ее.

Молодой человек поспешно взял шкатулку, достал тушечницу и тщательно осмотрел ее со всех сторон, после чего облегченно вздохнул. Однако, прежде чем поблагодарить, на его лице вновь появилось выражение страдания. Он сунул тушечницу за пазуху, а шкатулку из желтого грушевого дерева бросил, как будто это было что-то грязное, и с тревогой протянул руки к слугам:

— Ань Янь! Быстрее, принеси воды!

Слуга с медным кувшином тут же подошел и налил воду. Молодой человек начал быстро тереть руки под струей воды, словно не мог больше терпеть.

Увидев это, Хань Мяо слегка нахмурился. Поведение молодого человека было крайне невежливым.

Прежде чем он успел что-то сказать, Чжэнь Цюн, стоявший рядом, уже подпрыгнул от возмущения. Господин Хань так любезно нашел потерянную вещь, как этот невежливый мальчишка мог так с ним обращаться? Ха, чистюля, да? С этим он знаком, пусть он сам разберется!

Сделав шаг вперед, Чжэнь Цюн громко произнес:

— Один древний мудрец наблюдал за чистой водой через микроскоп и обнаружил, что она полна микробов, невидимых невооруженным глазом. У некоторых много ног, у других — много глаз, а некоторые покрыты волосами, все они уродливы до невозможности. Если эти микробы попадут в рот, они могут добраться до мозга и кишечника, вызвав эпилепсию, обмороки, рвоту и диарею. Разве можно избавиться от них, просто помыв руки?

Услышав это, не только молодой человек, который тер руки, но и слуга, наливавший воду, замерли на месте. Вода продолжала капать на руки, и молодой человек в ужасе отшатнулся, его лицо позеленело. Посмотрев на свои замершие в воздухе руки, он беспомощно обернулся и наконец выдавил:

— Это... это правда?

— Конечно, правда. Чтобы избавиться от микробов, нужно использовать кипяченую воду, — с улыбкой ответил Чжэнь Цюн, доставая из рукава небольшой предмет, — ...и это мыло.

Молодой человек посмотрел на Чжэнь Цюна. Даосский наставник выглядел изящно, его одежда была роскошной, и он совсем не походил на злодея. В руке он держал что-то белое и

круглое, похожее на нефрит, что казалось вполне приятным. Но чем это «мыло» отличалось от обычных бобов для мытья? Действительно ли оно помогало? Хотя в душе он сомневался, рассказ о микробах был настолько отвратительным, что он стиснул зубы и, наконец, протянул руку, жалобно сказав:

— Пожалуйста, даосский наставник, одолжите мне это мыло.

Чжэнь Цюн с улыбкой передал мыло, осторожно предупредив:

— Это дорогая вещь, не уроните.

Молодой человек стал еще более осторожным, но его руки были мокрыми от воды, и, как только он коснулся маленького круглого кусочка, почувствовал, что тот скользкий, как живая рыба, и его трудно удержать. Он запаниковал, сжал руку в кулак, пытаясь схватить мыло. Но вместо того чтобы помочь, его усилие привело к тому, что мыло выскользнуло из его ладони, пролетело некоторое расстояние и с шумом упало на землю.

Атмосфера сразу стала неловкой. Увидев «дорогое» мыло, лежащее в грязи, молодой человек покраснел, его рука все еще была сжата в кулак, и он не знал, как реагировать.

Чжэнь Цюн фыркнул, а Хань Мяо, поняв, что это была его шутка, поспешил оттащить его назад. К этому моменту Хань Мяо уже понял, что у молодого человека, вероятно, была мания чистоты, и Чжэнь Цюн просто подшутил над ним. Однако одежда и принадлежности молодого человека были дорогими, что указывало на его знатное происхождение, и ссориться с ним было нежелательно.

В этот момент из гостиницы вышла еще одна группа людей. В центре, окруженная служанками, была женщина средних лет в головном уборе в форме слитка и шелковом плаще. Увидев происходящее, она нахмурилась и сразу же обратилась к молодому человеку:

— Ты снова ведешь себя неподобающе?

Молодой человек вздрогнул:

— Мама, нет...

Женщина не дала ему оправдаться, подошла к Хань Мяо и с легким извинением поклонилась:

— Мой муж рано ушел из жизни, и этот невоспитанный сын остался без должного воспитания. Надеюсь, он не оскорбил вас?

Хань Мяо ответил с такой же вежливой улыбкой:

— Вы слишком любезны, госпожа. Мы нашли тушечницу вашего сына и вернули ее, но возник небольшой недоразумение.

Он даже не упомянул мыло, лежащее на земле. Однако женщина, хорошо знавшая характер своего сына, сразу догадалась, в чем дело, и, нахмурив брови, строго сказала молодому человеку:

— Ми Фу, подойди и извинись перед этим господином!

Молодой человек, которого звали Ми Фу, почувствовал себя крайне униженным, но не осмелился вытереть свою скользкую руку и подошел, чтобы поклониться:

— Я вел себя неподобающе и оскорбил вас. Пожалуйста, простите меня, господин и даосский наставник.

Хань Мяо улыбнулся:

— Это была просто случайность, не стоит извиняться.

Его великодушие заставило Ми Фу почувствовать себя еще более виноватым, и он поспешно добавил:

— Эта тушечница «Хвост дракона» — моя любимая вещь, спасибо вам за то, что вернули ее.

— Найдя потерянную вещь, я просто вернул ее владельцу, — с достоинством ответил Хань Мяо, не претендуя на заслуги.

Его изысканные манеры заставили женщину улыбнуться:

— Я — госпожа Янь, жена князя Куайцзи. Мы направляемся в столицу, но, видимо, произошло недоразумение, которое вызвало у меня стыд. Вы останавливаетесь в гостинице? Позвольте мне оплатить ваш счет в знак извинения.

У Хань Мяо были чайные плантации в Юэчжоу, и, услышав слова «князь Куайцзи», его улыбка стала чуть шире:

— Я — Хань Мяо, торговец из Аньяна, направляющийся в столицу. Это было просто небольшое недоразумение, не стоит извиняться.

— Из Аньяна? — Госпожа Янь слегка приподняла бровь. — Вы из семьи Хань из Сянчжоу?

— Из боковой ветви, — скромно ответил Хань Мяо.

<http://bllate.org/book/16827/1547306>